

«У Брежнева было два любимых певца: я и Зыкина»

- Муслим Магометович, не так давно вы сказали, что планируете уйти со сцены, но примечательна была оговорка: «не хлопая дверью и не устраивая из этого шумного шоу». Вы имели в виду Кобзона?

- Многие певцы предупреждают о своем творческом «конце», подготавливают публику. Незачем устраивать себе пышные похороны, как это делает мой друг Иосиф. Я ему, кстати, об этом сказал. Ведь потом все равно захочется спеть и придется оправдываться: очень просили. Время придет, и организм сам не захочет петь.

- И вам уже петь не хочется?
- Я успокоился, теперь меня меньше тянет за инструмент. Вот Иосиф говорит: «Я ухожу в полном расцвете сил». А зачем? - возникает вопрос. Тем более сейчас, когда к нашему искусству, которое называют «ретро», резко возрос интерес. (Правда, я не совсем согласен с таким определением: на Западе ни Фрэнк Синатру, ни

Муслим Магомаев и Тамара Синявская: их именами названы две планеты.

Фото Олега КОРОЛЕВА.

Муслим Магомаев:

Комса, правда - 1997. - 16 авг. - с. 6

Мною звезду ногами не затоптать!

ЮБИЛЕЙ

18 августа кумир многих поколений, выдающийся певец отмечает двойной юбилей: его 55-летие совпало с 35-летием творческой деятельности

Лайзу Миннелли к «ретро» не причисляют). Я вижу, что даже молодежь тянется к старым песням. А Кобзон, находясь в прекрасной творческой форме, устраивает прощальный тур. Лучше уходить по-английски.

- Но при случае вы ведь будете выходить на сцену?

- Я не раз уже «уходил» - на год, на два. Мне просто не хотелось петь. Когда у меня один за другим умерли родители, я два года к инструменту вообще не подходил. Потом «ожил» и вновь стал петь.

Когда уже голоса нет или трудно петь - это другое дело, природа отмерила лимит. По себе я пока этого не чувствую, выхожу на сцену и пою. Правда, сейчас я могу себе позволить выбирать, поехать на гастроли или нет. В Москве у меня, кстати, нет никакого желания выступить с большим сольным концертом.

- Это почему же?

- Каждый сольный выход в Москве должен быть большим праздником. Я всегда пел с симфоническими оркестрами, а сейчас это очень дорого. Надо искать спонсора, а я не люблю кланить деньги. И петь под минусовую фонограмму в большом городе, я считаю, некрасиво. В городах поменьше, где залы небольшие, можно сесть за рояль и спеть.

- Вы были непременным участником правительственных концертов. Нет ностальгии по тем временам?

- Вы знаете, легкую ностальгию все-таки испытываю. У наших правителей тех времен губа была не дура. На сцену выходили величайшие исполнители - Рихтер, Плисецкая. Шваль туда не попадала. Меня часто просили исполнить «Вдоль по Питерской», членам Политбюро она очень нравилась.

Я не уверен, что наши вожди понимали то, что они слушали и смотрели. Я помню их лица: для них это была каторга. Как-то после концерта один деятель сказал мне: «Вчера две симфонии слушал». Я поинтересовался, какие. «Слава Богу, не помню».

Брежнев говорил, что у него два любимых певца - Магомаев и Зыкина. Андропов, придя к власти, на первый же правительственный концерт меня пригласил. Хрущев ко мне тоже хорошо относился...

- Что служило пропуском на такого рода мероприятия - талант или конъюнктура?

- Талант. Бездарностям там не было места.

- Неужели в той эпохе все было так радужно?

- Нет, конечно. Отвратительно было то, что вмешивались в искусство без особого понятия. Запрещали песни, картины. Зато песни о Ленине и о партии, даже самые бездарные, проходили вообще без всякой экспертизы. Это было противно. Заглядывали в карманы артистов: кто сколько зарабатывает.

- И что же у вас, любимчика Брежнева, тоже что-то запрещали?

- Еще бы. Запрещали песни на стихи Евтушенко, песню

«Не спеши», «Песню о Москве», потому что там был твист. Запретили песню Фельдмана, где были слова «Я живу, как хочется», - хорошая песня была. Придирались к тексту - не дай Бог, там окажутся слова, которые можно как-то иначе истолковать.

Даже ария князя Игоря «О, дайте, дайте мне свободу» воспринималась в стенах Дворца съездов едва ли не как призыв к восстанию!

«Однажды Кобзон решил научить меня жить»

- В вашем репертуаре появляются новые песни?

- А зачем? Люди просят песни тех лет. У меня большой репертуар, можно вспомнить

гастрономы. Потом мы попали в Министерство внутренних дел, к каким-то начальникам. К концу дня я валился с ног. Говорю: не нужна мне такая жизнь, лучше я пойду напьюсь. А он мне: надо всегда иметь нужный круг знакомств, чтобы вовремя воспользоваться их услугами.

Но не могу я так, может, это во мне восточная леность...

«Я Аллу Пугачеву очень уважаю»

- Вы могли бы стать выдающимся оперным певцом, но почему-то не стали.

- Мне никогда не нравилось петь в опере, хотя я пел несколько оперных партий. Но когда вокруг ме-

- С кем вам интересно общаться на досуге - с политиками или людьми творческими?

- Мне только с одним политиком интересно общаться - с Гейдаром Алиевым. Когда я бываю у него в гостях, он совершенно не выглядит политиком. С другими я стараюсь общаться меньше. У меня есть свой круг знакомых: Алла Борисовна, Лева Лещенко, Володя Винокур, Валера Леонтьев, Кобзон (правда, он всегда в разъездах).

Терпеть не могу всякие молодежные тусовки.

«Курю с 18 лет. И выпить люблю. Не люблю себя ограничивать»

- Вам льстит то, что где-то в космосе есть две малые планеты, которым дали имена «Магомаев» и «Синявская»?

- На вручении свидетельств о присуждении наших имен я пошутил: «На своей планете клочка земли не имеем, а в космосе аж две планеты, хоть и малые. Скажите только, как туда добраться».

Что касается звезд земных, за мной все гоняется фирма «Овашия», которая «звездочки» раздает: спойте, мол, один концерт в зале «Россия» - и звезда с вашим именем появится на тротуаре. Станным образом нынче люди «звезды» зарабатывают. Я свою «звезду» долгими годами творчества заслужил. Обойдусь и без того, чтобы мое имя топтали ногами.

- Как вам удалось сохранить столь нежные отношения с вашей второй половиной Тамарой Синявской? Когда вы рядом или когда поете вместе, кажется, прямо не надыхнетесь друг на друга...

- У нас с Тамарой нормальные человеческие отношения. Мы часто ругаемся и кусаемся. Я вообще не понимаю семей, где не бывает ссор. Я вспыльчивый человек, она тоже. Но отходим быстро. Вообще мы уважаем друг друга.

Что касается искусства, то мы с ней разные певцы. Тамара поет в основном русские народные песни, итальянскую классику и оперу. Я пою больше американскую джазовую произведение, мюзиклы. Я могу ей еще указать: тут-то и вот тут-то убавь, тем более что я ей аккомпанирую. Она мне тоже может что-то подсказать, но она не может судить об эстрадной музыке. А я в классике могу давать советы.

- Я заметила, вы много курите. На голос это не влияет?

- На здоровье влияет прежде всего, а потом уж на голос. Но такой уж я законченный курилка, с 18 лет курю.

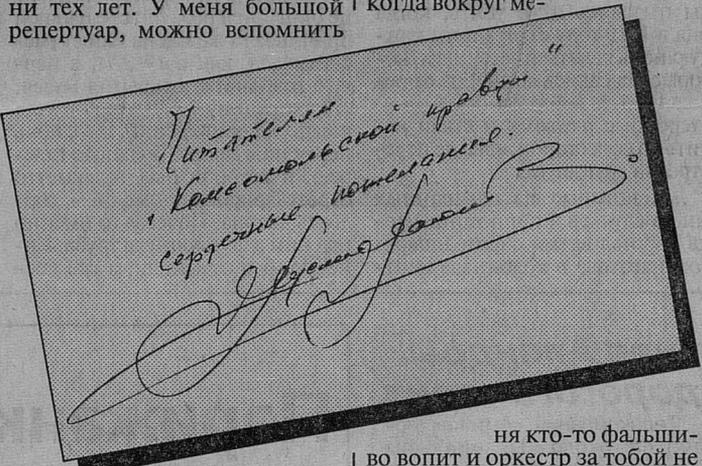
- А как насчет выпить?

- И выпить люблю. Бывает, в меру, а бывает, и без меры иногда. По настроению. Не люблю ограничивать себя в чем-либо.

- Муслим Магометович, «Комсомолка» от имени всех своих читателей сердечно поздравляет вас с двойным юбилеем и желает, несмотря ни на что, почаще видеть вас на сцене.

- Спасибо большое. Хотя 35 лет - вполне достаточный срок, чтобы надоело выходить на сцену.

Светлана ТУРЬЛАЙ.

песни, которые я пел 10 лет назад, - и сейчас они будут выглядеть, как новые. Мне часто звонят композиторы, предлагают свои песни. Я отказываюсь. Не думаю, что эти песни будут лучше, чем те, что у меня были. В последнее время перестал даже смотреть.

- А на гастроли выезжаете?

- Довольно часто. В Омске был не так давно, в Екатеринбурге. Народу много было. В основном публика моего возраста, но и молодежи немало.

- А что для вас важнее на таких гастролях - гонорары или все-таки общение с публикой?

- Раньше нам платили очень мало, можно сказать, бесплатно. Сейчас, конечно, все по-другому, но я не привык зарабатывать на «черный день». Стараюсь по возможности получать не меньше других. Могу пойти на уступки, если вижу, что филармония в провинции бедная, но уж очень там хотят, чтобы выступил Магомаев.

Когда же меня приглашают выступить в концерте, где много артистов участвует, всегда оговариваю: не меньше, чем другие певцы моего ранга.

- Ваш друг Кобзон нашел свою стезю в бизнесе, Пугачева моделирует обувь. Вам не хотелось попробовать силы в областях, далеких от творческих?

- А я ничего не смыслю в бизнесе. Давным-давно, когда мы были еще молодыми, Иосиф выговаривал мне: что ты сидишь, у тебя нет никаких знакомств, давай, говорит, я тебе покажу, как надо жить. Я согласился. Мы сели в машину часов в 10 утра. Господи, куда он меня только не возил! В какие-то аптеки, какие-то

ня кто-то фальшиво вопит и оркестр за тобой не поспевает, получается плохой спектакль. И от этого не хочется жить.

- Но ведь звали вас в Большой театр?

- В Большой меня звали, еще когда мне было 20 лет. Я туда не пошел. Не люблю, когда кто-то командует, что и как мне петь.

- Вы довольствуетесь своей популярностью на одной шестой части суши, а не мечтали о мировой известности?

- Я реалист. Когда наши певцы приезжают из Америки и говорят, что на их концерты валом валяли американцы, - это полная чушь. За границей никто не пойдет на неизвестную фамилию. Идут наши люди, в Америке, Израиле и Германии их сейчас много.

Ну пел я в Америке и в Израиле, ну поеду, спою еще раз. Какая мне от этого будет польза?

- Муслим Магометович, вы исполнили песню из репертуара Аллы Пугачевой на концерте в честь ее дня рождения. А некоторые певцы вашего ранга заявили, что у них есть свои песни и исполнять чужие они не станут. Как же вы решились?

- Эти исполнители - я знаю, о ком идет речь, - лукавят: они побоялись спеть песни Пугачевой. Эти песни ассоциируются только с ней. Я тоже поначалу отказывался, Филипп меня долго уговаривал. Я очень уважаю эту певицу, но повторять ее песни для меня было смешно. Я сказал Филиппу: «Вы меня подставляете, что ли?». Тогда Филипп дал мне альбом Пугачевой и там я нашел песню «The night» на английском языке.

Все равно тот концерт был капустником, к нему не надо серьезно относиться.